

На значительность и неординарность произведения указывают: выбор определенного жанра публицистики – памфлета, актуальная проблематика – отмена смертной казни, обличительное и нравственное содержание.

В памфлете «Не могу молчать» очень тесно гармонируют черты обличительного таланта Толстого-публициста и художественного мастерства Толстого-беллетриста, характерные также и для других работ, созданных писателем в жанре публицистики.

Источники и литература:

1. Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым / Н. Н. Гусев. – М., 1928.
2. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. – М., 2003.
3. Толстой Л. Н. Дневники и записные книжки / Л. Н. Толстой // Полн. собр. соч. : в 90 т. / Л. Н. Толстой. – М., 1936. – Т. 57.
4. Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 20 т. / Л. Н. Толстой. – М., 1964. – Т. 16.
5. Шифман А. И. Лев Толстой – публицист / А. И. Шифман // Собр. соч. : в 20 т. / Л. Н. Толстой. – М., 1964. – Т. 16.
6. Герейханова А. Статья Л. Толстого «Не могу молчать» как информационный повод : [Электронный ресурс] / А. Герейханова. – Режим доступа : <http://petrovitskaya.lifeware.ru/node/91>

Мамедова Мехрибан

УДК 811.512.11

ОБЩЕТЮРКСКИЕ СЛОВА В «КНИГЕ ДЕДЕ КОРКУДА» И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ ЯЗЫКАХ

Постановка проблемы. Слова в словарном составе «Книги Деде Коркуда», демонстрирующие отличительную смысловую функциональность в современных тюркских языках, занимают важное место. И эти слова в основном состоят из общепотребительных слов и, в отличие от единиц, сохраняющих свое значение, не проявляются в большом количестве. Их отличие по значению определяет их уровень представления в тюркских языках. И сам этот уровень проявляется в двух видах:

- а) в лексической единице происходит структурно-формальное изменение;
- б) лексическая единица остается без изменения.

Слово, подвергнувшись деформации, изменяет свое значение. На языке «Книги Деде Коркуда» глагол *ayu* имеет значение «сказать, говорить». В современных тюркских языках он, приняв словообразовательное окончание, структурно изменяется и образует новую лексическую единицу. Слово *aygakçi* на узбекском, киргизском языках означает «шпион». Здесь связь нового значения со старым значением на виду: *ayu* – «скажи, говори», – *aygakçi* – «приносящий весть, рассказывающий новость». В образцах этого типа смысловое значение и формальное изменение происходит параллельно. Анализ образцов показывает, что в каждом случае новое значение происходит от старого значения. То есть изменение значения в большинстве случаев не что иное, как семантическое развитие. В «Книге Деде Коркуда» *ayyaq* имеет значение «чаши». В современном казахском языке словосочетание *şiti ayak (чини аyaq)* [1, 10] означает «стакан». Оппозиция чаша – стакан указывает на развитие второго от первого. В подобных случаях один общий признак обязательно объединяет старое значение с новым, также оба предмета. Так как не вызывает сомнения и то, что значение «чаша» образовано от значения «часть тела». В виду того, что чаша стоит на подставке, называется подобным образом. Еще другое значение слова *ayyaq* – «последний, конец» наблюдается в казахском языке [1, 788]. А здесь наблюдается общая особенность согласно другому признаку между двумя лексическими единицами. Так как «*baş*» голова начинает тело в вертикальном направлении, а «*ayyaq*» (нога) завершает его в том же направлении. В этом смысле в азербайджанском, а также и в других тюркских языках слово «*baş*» конкретизировано в значениях «с начала», «начала», а слово «*ayyaq*» в значениях «конец», «последний». Именно в значении «последний», слово *ayyaq* образуется из функционально-семантического развития значения части тела.

Также слово *niqab* – «покрывало» если в языке «Книги Деде Коркуда» обозначает «бронированное покрытие для лица», то на современном туркменском языке означает «*duvaq*» [1, 193].

Иногда важное функциональное качество, возникшее от лексического значения одного объекта, передается другому. Такая передача приводит к идентичному наименованию – новой номинативности второго объекта с первым. В языке «Книги Деде Коркуда» слово *yenge* обозначает женщину сопровождающую невесту в свадебную ночь. В виду того, что эту функцию выполняют жена брата, жена дяди, жена брата матери, в современных тюркских языках лексические единицы *yenge* (турецк.), *yəngə* (уйгур, узбек), *yingə* (башкир), *cingə* (татар) обозначают жену брата, жену дяди, жену брата матери [1, 982].

Часть лексических единиц, представленных в современных тюркских языках могут отличаться от своих соответствий в «Книге Деде Коркуда» как по форме, так и по содержанию. Иногда изменение содержания таких лексических единиц происходит путем изменения формы. Изменение формы происходит в результате изменения аффикса, окончания лексемы или участия слова в образовании новой структуры: *ay-“de”-(māk)-aygakçi* «шпион» (на узбекских и киргизских языках) [1, 94-95], *aş «есть»-aşlık* «хлебные злаки» (башкирский, татарские языки) [1, 836-837] – *aş kazan* «живот» (казахский, киргизские языки [1, 442]. Подобные слова в лексиконе «Книги Деде Коркуда» большинства не составляют.

Ayaq – «чаша». *Kafər qızları al şərabı altun ayağla Qalın Oğuz bəglərinə gəzdirlərdi* [2, 68]. Девушки неверных бекам Калын Огузов подносили красное вино в золотой чаше. В «Дивану-лугат ит-турк» отмечены такие значения слова как «**чанаг**», «**чаиша**», «**кубок**», «**чаиша**»... М. Кашгари пишет, что **ayak** означает «посуду». Это огузы не знают, они подобные вещи называют «**чанак**» [3, т-1, 150]. *Ol ayak tol tolturdu* - Он наполнил посуду [3, т.2, 188]. Из вышеприведенных образцов становится очевидным кыпчакское происхождение данного слова. Слово, подвергнувшись смысловому изменению в современных тюркских языках, образует лексические единицы с близким и относительно далеким значениями. В современном казахском языке словосочетание **şını айақ** (çini ayaq) используется в значении «стакан» [1, 788].

Aş – «еда». *Ölülərinə aş verdiyin vaxt allərindən aluram.* - Когда они дают еду за своих покойников, я у них ее отнимаю [2, 116]. В книге «Китаб аль-идрак ли лисан аль-атрак» это слово имеет значение «еды» [4, 17]. В «Дивани-лугат-ит турк» данное слово означает тот же смысл [3, т.4, 48], а смысловая деформация слова в современных тюркских языках проявляется в трех видах:

а) место, где готовится еда, в казахском языке **aş үй**, в киргизском языке **aşkana**, в узбекском, туркменском, уйгурском языках **aşxana** [1, 610-611], то есть «кухня».

б) часть тела, связанная с едой, пищеварительным процессом, на башкирском, татарском языках **askazan**, на киргизском **aşkazan**, на казахском askazan «**желудок**» [1, 592-593], на казахском **askazan**, на киргизском **aşkazan** «живот» [1, 442-443].

в) человек, готовящий еду, на турецком **aşçı**, на башкирском **aş bişirivsi**, на татарском **aş pişirüci**, на азербайджанском **aşpaz**, на казахском **aspaz**, на узбекском, уйгурском **aşpəz**, на туркменском **aşpez**, «человек, готовящий еду, повар» [1, 442-443].

г) виды еды и продукты на башкирском **börtöklö aşıklar**, на татарском **börtikli aşıklar**, «зерновые злаки» [1, 836-837], на туркменском, башкирском, татарском, уйгурском языках **aşlık**, на киргизском **aştık** «продовольствие» [1, 1006-1007], на киргизском **çalap aş**, на татарском **balırğan aş**, «рассольник с огурцом» [1, 92-93], на казахском, киргизском, узбекском языках **aşkok**, на уйгурском **aşköki** «сельдерей» [1, 468-469] на азербайджанском **aş** «плов».

Börk – «папаха». *Bəg yigit, baş əsən olsa, börk bulunmazmı olur?* - Бек джигит, если голова будет в целости, сохранности папахы не найдется? [2, 91]. Данное слово также можно встретить и в «Дивани лугат-ит-турк». *Tatsız türk bolmas, başsız börk bolmaz* - Без тата тюрка не бывает, без папахы головы не бывает [3, т.1, 357]. В современном башкирском языке **börkənsik**, в татарском языке **börrəncik** означает «чадру» [1, 118-119], также в башкирском **börkənsik** и в татарском **börkəncik** означают «покрывало» [1, 192-193].

Güyəgü – «зять». *Bəglər, Beyrək bizdən qız almışdır, güyägümüzdir* [2, 124]. Беки, Бейрек взял в жену нашу девушку, он наш зять. В некоторых тюркских языках данное слово подверглась смысловому изменению. В современных башкирских и татарских языках слова **kiyəv**, на туркменском **giyev** [10, 218-219] имеют следующее значение «**муж старшей сестры**».

Güd – (**mək**) – быть табунщиком. *Gördü kim ilçici kafərlər yund güdərlər* [2, 113]. В современном гагаузском языке слово «**güdüjü**», образованное с того же корня имеет значение «пастух, чабан», и буквально значит «**следящий, пасущий овец**». Смысловое изменение наблюдается только на современном казахском языке. Здесь слово **kütüvşi** [1, 3126] образованное от глагола **güd- (mək)**, имеет значение «медсестра».

Torum – «верблюжонок». *Qaytabanda qızıl dəvə bundan keçdi. Torumları bundan bozlayıb belə keçdi* [2, 73]. В Гайтабана красный верблюд прошел. Его верблюженки так же прошли.

В «Дивану-лугат-ит-турк» «**torum**» означает «верблюжонок». Самка верблюженка называется «**tişi torum**» [3, т.1., 395]. В «Словаре» Абу Хайяна слово не зарегистрировано. Здесь слово верблюжонок выражает данное значение [3, 49]. В настоящее время оно в форме, относительно подвергнувшись фонетическому изменению, означает «человек». В турецком языке **torun** означает «внук» [1, 898].

Ün – «голос». *Ünim anlan, bəglər, sözümlər dinlən bəglər* [2, 42]. В «Дивану-лугат-ит-турк» **konqur ün** «хриплый голос» (2, т.3, 315). В «Китаб-аль идрок ли-лисан аль атрак» **ün** – «голос», **ündədi** – «позвал, пригласил» [4, 21].

В некоторых тюркских языках данное слово выполняет функцию термина. На турецком языке **ünlü**, на узбекском **ünli**, киргизском **ündi** означают гласные, а также на турецком, киргизском **ünsüz**, узбекском **ündaş** [1, 926, 928] данное слово используются для выражения согласных.

Ağa – «отец», «старший брат». *Əmran bəhadır babasına qarşı gəldi... Soylamış: Qara başım qurban olsun, ağam, sana! – dedi.* Богатырь Амран пошел против своего отца. Сказал: Моя черная голова пусть будет жертвой тебе, отец мой! - сказал [2, 106]. *Babası aydır: "Yanlıx xəbərdir, oğul. Qaçan-gedən sənin ağa deyil, ayridir.* Его отец сказал: «Сынок, ложная весть. Ушедший-убежавший не твой сын, другой» [2, 111]. В современных тюркских языках данное слово приобретает и различное значение. В современном киргизском языке, башкирском и казахском языках **ağay** «дядя» [1, 18-19], в башкирском и татарском языках, в туркменском языке **ağa** «брат матери» [1, 152-153].

Buğa – бык, бык производитель «самец породистого крупного рогатого скота». *Məgər, sultanım, genə yazın buğayı saraydan çıxardılar.* Мой султан, летом опять вывели быка из хлева [2, 36]. В «Китаб аль-идрак ли-лисан аль-атрак» **buğa** употреблен в значении самца, семенного скота [3, 26]. В некоторых тюркских языках различное изменение проявляет себя таким образом: на уйгурском **buğa**, киргизском, узбекском **buğu**, на казахском **buği** означают «олень» [1, 270-271].

Əsən – «живой, здоровый». *Oğlan sağdır – əsəndir, avdadır. Bu gün-yarın qanda isə gəlür.* Парень жив-здоров. Сегодня-завтра придёт [2, 38]. В средневековых общетюркских памятниках также имеет вышеуказанные значения. У М. Кашгари: «*Əsənmüsən*». «Здоров ли ты» [3, т.1, 144]. В «Китаб аль-идрак ли-лисан аль-атрак»: *əsən* – «жив, здоровый», *əsənləd* – «попРашался» [4, 16]. В современном киргизском языке данное слово, подвергнувшись изменению, выступает в значении *esen* «salam» [1, 578].

Ər – «мужчина». *Ər malına qıtaınca adı çıqmaz.* Если мужчина не расщедриться, доброго имени не завоюет [2, 31]. И в «Дивани-лугат-ит-турк» употребляется в значениях «человек», «мужчина». *Ər açıkdı* «человек проголодался» [2, т.1, 70]. Новое значение слова представлены в отдельных тюркских языках; **ər** в современном турецком означает «солдат», а в туркменском, казахском, киргизском языках «джигит» [1, 21].

Dal / tal – «дерево», «ветвь дерева». *Atından endi, çilbərini bir tala ilişdirdi.* [2, 113]. Данное слово в «Дивани-лугат-ит-турк» имеет значение «дерево», «ветви», «травы». *Ordu tal* «банная трава» [3, т.1, 183]. М.Кашгарий пишет: «*Tal yaz budaqdır*» - Тал зелёная ветвь [3, т.3, 156]. В современных тюркских языках слово подвергается семантическому сужению и означает один из видов дерева. В современных башкирских, татарских, казахских, киргизских, узбекских языках **tal** означает «ива» [5, 792-793]. Совершенно различное значение имеется в уйгурском языке: **tal** – «число, штука» [1, 847].

Выводы и перспектива. Таким образом, на примере некоторых общетюркских слов (*ayaq, aş, bōrk, güyügü, güd, torum, ün, ağa, buğa, əsən* и т.д.) была выявлена их функциональность в современных тюркских языках.

Источники и литература:

1. Сравнительный словарь тюркских языков. – Анкара, 1992. – 1183 с. (на тур. яз.).
2. Книга Деде Коркута. – Баку, 1988. – 265 с. (на азерб. яз.).
3. Кашгарий М. Дивани-лугат-ит-турк : в 4-х т. / М. Кашгарий. – Баку : Озан, 2006 (на азерб. яз.).
4. Асираддин Абу Хайян аль – Андалуси. Китаб аль – идрок ли-лисан-аль атрак = Книга познания тюркских языков. – Баку : Азернешр, 1992. – 115 с. (на азерб. яз.).
5. Баскаков Н. А. «Русские фамилии» тюркского происхождения / Н. А. Баскаков. – Баку : Язычы, 1992. – 280 с.

Frumkina A.L.

UDK 81'342.4

VOKALEINSATZREALISATIONEN IN DER MEDIENSPRACHE AUS PHONOSTILISTISCHER SICHT

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИСТУПОВ ГЛАСНЫХ В ЯЗЫКЕ СМИ В УСЛОВИЯХ ФОНОСТИЛИСТИЧЕСКОГО ВАРИИРОВАНИЯ

Статья посвящена исследованию функционирования уникальной черты немецкого вокализма – вариативности видов приступов между компонентами бифонемных сочетаний гласных, где обнаруживаются существенные противоречия в отношении инициальных гласных. Неоднозначность ситуации проявляется не только внутри кодифицированной нормы, но и в речевой действительности – в речи дикторов немецкого телевидения, которая представляет собой произносительный стандарт.

Obwohl der interaktionale Gebrauch der Sprache der grundlegende ist und bei allen anderen Formen des Sprachgebrauchs überwiegt, orientieren sich linguistische Analysen und Lehrwerke fast ausschließlich an der Schriftsprache. Da die gesprochensprachliche Kommunikation aber heutzutage im Vordergrund steht (Massenmedien, Telefon, Internet, VOIP), hat die Lautsprache den führenden Platz eingenommen. Deshalb trägt die Arbeit an der Lautsprache zur Verbesserung der Kommunikationsfähigkeit bei und stellt damit einen Beitrag zur Entwicklung der kommunikativen Kompetenz dar [Verbizkaja, Vasylichenko 2010, s.5-7].

Das Ziel des vorliegenden Artikels ist es, die lautliche Seite der Massenmedien zu untersuchen und die Realisation der anlautenden Vokale mit der kodifizierten Norm zu vergleichen.

Als **Objekt** der Untersuchung tritt die gesprochensprachliche Kommunikation der sprecherzieherisch ausgebildeten Sprecher des deutschen Fernsehens auf.

Den Gegenstand der Untersuchung bilden Standardvarietäten bei der Realisation der anlautenden Vokale in der Sprechrealität.

In den letzten Jahrzehnten hat sich das Verhältnis zwischen gedruckten und elektronischen Sprachvarianten der Massenmedien sehr stark verändert. Der Stellenwert der gesprochenen Sprache wird im Vergleich zu Printmedien durch die intensive Entwicklung solcher Massenmedien wie Rundfunk, Fernsehen und Internet immer größer. Von besonderem Interesse ist die phonetisch-phonologische Seite der gesprochenen Sprache, die vor allem von sprecherzieherisch ausgebildeten Rundfunk- und Fernsehsprechern präsentiert wird [Гришина 2008, с.226].

Die Medien tendieren dazu, sich selbst transparent zu machen und ihre Gemachtheiten zu naturalisieren, aber ihre Einflüsse sind auf allen linguistischen Ebenen (von Laut zu Text) folgenreich, wie jede genauere Analyse zeigen kann. Der Triumphzug der audiovisuellen Medien: Tonfilm und Fernsehen, die große Medienkonzerne haben entstehen lassen, zeigt, „...wie stark die Attraktion von Kommunikationsformen ist, die in der Lage sind, ähnlich wie primäre face-to-face-Begegnungen, jetzt aber unabhängig von Zeit- und Raumgrenzen, wieder Auge und Ohr in dynamischer Performanz einzubinden“ [Holly 2008, s.27].